

Исторические и социальные истоки британского евроскептицизма

Сергей В. Лебедев

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, sergei.lebedeff@gmail.com*

Роман И. Благовещенский

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия, roman10.89@mail.ru*

Аннотация. В данной статье рассмотрены причины присоединения Великобритании к процессу евроинтеграции в начале 1970-х годов, а также факторы евроскептицизма, предопределившие выход Соединенного Королевства из Евросоюза. В статье показано, что главной причиной присоединения Лондона к процессу европейской интеграции стало желание максимизировать экономическую выгоду для страны, однако очень быстро вопрос углубления евроинтеграции превратился в «заложницу» внутрипартийной борьбы в обеих крупнейших политических силах Великобритании. Британские премьер-министры, независимо от политической окраски, предпочитали сохранить контроль над партиями и расширить свою электоральную базу за счет евроскептических слоев населения вместо того, чтобы проводить политику евроинтеграции. Другими словами, очень скоро внутренняя политика Соединенного Королевства начала детерминировать внешнюю политику в отношении процесса евроинтеграции. И даже вопрос проведения референдума о выходе из ЕС оказался следствием внутрипартийной борьбы среди Тори.

Ключевые слова: Брекзит, Великобритания, модель правительственной политики, Аллисон, консерваторы, лейбористы, евроинтеграция, референдум, Евросоюз

Для цитирования: Лебедев С.В., Благовещенский Р.И. Исторические и социальные истоки британского евроскептицизма // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 4. С. 33–48. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-4-33-48

Historical and social origins of British euroscepticism

Sergei V. Lebedev

*Russian State Humanitarian University
Moscow, sergei.lebedeff@gmail.com*

Roman I. Blagoveshchenskii

*Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia, roman10.89@mail.ru*

Abstract. This article explores the reasons why the United Kingdom joined the process of the European integration in 1973 and factors of Euroscepticism that led to Brexit in 2016. The article shows that the main reason to join the process of the European integration was the desire to maximize economic gains for the country. However, very soon the question of deepening of the European integration became the ‘hostage’ of intraparty fights in the two main British parties. Irrespective of the party affiliation, the British Prime Ministers preferred to keep control over their party and expand their electoral base by appealing to Eurosceptics rather than deepening political integration with mainland Europe. In other words, the foreign policy and especially relations with Europe depended very much on internal politics and party mood. Even the decision to hold a referendum on leaving European Union has been the outcome of intraparty struggle within the Conservative Party.

Keywords: Brexit, United Kingdom, “Governmental politics” model, Allison, Conservatives, Labour, European integration, referendum, European Union

For citation: Lebedev, S.V. and Blagoveshchenskii, R.I. (2022), “Historical and social origins of British euroscepticism”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 33-48, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-4-33-48

Введение

В основе данной статьи лежит разработанная политологом Грэмом Аллисоном модель «правительственной политики» (“governmental politics”) [Аллисон 2012]. На примере Кубинского кризиса он рассматривает три теоретических подхода к выработке внешнеполитических решений: модель рационального выбора, модель организационного процесса и модель правительственной политики. Ниже мы рассмотрим все три модели и увидим, что на разных этапах европейской интеграции в основе отношений между Великобританией и континентальной Европой в силу разных причин доминировала та или иная из предложенных моделей.

Модель рационального выбора предполагает, что внешнеполитический актор четко осознает свои интересы и идет к цели тем путем, который максимизирует их полезность. Аллисон находит эту модель неудовлетворительной, так как 1) рациональные мотивы при развитом воображении можно найти в любом действии¹, 2) модель рационального выбора рассматривает государство как гомогенную структуру, хотя на самом деле государство представляет собой «конгломерат полувраждебных, слабо связанных между собой организаций, каждая из которых ведет самостоятельную жизнь» [Соловьев 2005].

В свою очередь, модель организационного процесса демонстрирует, как ограниченная рациональность и организационные коммуникации приводят к выработке тех или иных решений. Например, Дж. Кеннеди выбрал морскую блокаду Кубы просто потому, что у него были лучше налажена коммуникация с руководством флота, чем с руководством ВВС. Представляется, что при этом модель организационного процесса не учитывает тот факт, что политика представляет собой специфическую сферу общественных отношений, в которой на первое место выходят не «эффективность» принимаемых решений, а борьба за власть.

Именно этот момент, напротив, учитывает модель правительственной политики. Модель правительственной политики предполагает, что внешнеполитические решения являются «закладками» внутренней политики и внутриэлитарного расклада сил. Решение Н.С. Хрущева разместить ракеты на Кубе было связано с «внутренней кухней» Кремля. Незадолго до кризиса Кеннеди обвинил Хрущева в том, что тот блефует относительно количества межконтинентальных ракет у Советского Союза. Поэтому Хрущев находился под огнем критики членов Президиума Верховного Совета СССР. Более того, Хрущев в этот момент проводил военную реформу, направленную на сокращение численности армии, поэтому генералитет также высказывал недовольство. Размещение ракет на Кубе было быстрым и сравнительно дешевым методом, который Хрущев избрал для повышения своей внутриэлитарной легитимности – как среди генералитета, так и среди высших партийных функционеров.

Модель правительственной политики также достаточно хорошо объясняет поведение американской стороны. Незадолго

¹ Например, политические обозреватели высказывали мнение, что президент США Дж. Байден сознательно допускает смешные оговорки и в целом сознательно изображает «старческую немощь», чтобы ввести в заблуждение контрагентов.

до Кубинского кризиса состоялась провальная попытка организовать вторжение в Залив Свиней, поэтому администрация демократа Кеннеди находилась под огнем критики республиканцев, которые превратили «Остров Свободы» в одну из ключевых тем внутриамериканского дискурса. Следовательно, президент США должен был продемонстрировать решимость и жесткость в кубинском вопросе, не ограничиваясь дипломатическими методами. Морская блокада Кубы была выбрана в качестве достаточно агрессивного ответа на действия СССР.

В данном тексте предпринята попытка применить модель рационального выбора и модель правительственной политики к принятию руководством Великобритании решений о евроинтеграции. Наши данные говорят преимущественно в пользу модели правительственной политики как более достоверного предиктора внешнеполитических решений британского руководства. Нельзя отрицать, что обе партии изначально поддерживали евроинтеграцию по чисто экономическим соображениям (что укладывается в модель рационального выбора). Однако достаточно быстро возобладали внутривнутриполитические мотивы (контроль над партией, поддержка электората), результатом чего стала евроскептическая риторика и «недружественные» шаги по отношению к ЕС, кульминацией которых стал Брекзит.

Долгая дорога к Брекзиту

Британские политики всегда испытывали скепсис или даже откровенную враждебность по отношению к европейской интеграции. Уинстон Черчилль, который считался одним из самых проевропейски настроенных британских лидеров, выступая в Цюрихском университете в 1949 г., призвал к созданию Соединенных Штатов Европы, но без Британии, поскольку Лондон, по его словам, не станет присоединяться к этой организации [Bootle 2014, p. 9]. Наилучшей иллюстрацией британского скепсиса в отношении Европы стали слова политика, принимавшего участие в конференции в итальянской Мессине, где в 1956 г. закладывались контуры будущей европейской интеграции. Британец произнес знаменитые слова: «Джентльмены, вы пытаетесь договориться о том, о чем вы никогда не сможете договориться. Но даже если сможете, договор не будет ратифицирован. Если же он все-таки будет ратифицирован, то все равно не заработает» [Macshane 2016, p. 58].

Две главные британские партии имели собственные мотивы неприязни по отношению к процессу евроинтеграции. Лей-

бористы отрицали идею единой Европы на идеологических основаниях – они считали, что такая политическая конструкция обязательно будет носить капиталистический характер, поэтому евроинтеграция противоречит интересам британского рабочего класса. Среди консерваторов также были евроскептики, однако они рассматривали идею единой Европы как идею социалистического толка, противоречащую интересам капиталистической экономики, а также как протекционистский проект, направленный против свободной торговли [Forster 2002, p. 53]. При этом еще больше консерваторов были подвержены имперской ностальгии и рассматривали евроинтеграцию как процесс, угрожающий суверенитету Великобритании [Forster 2002, p. 116].

Противоречия по европейскому вопросу между двумя ключевыми британскими партиями обострились к концу 1960 – началу 1970-х гг. Лейбористы продолжали осторожную политику в отношении европейского проекта по идеологическим соображениям, считая европейские сообщества «клубом капиталистов», в то время как среди консерваторов росло число еврооптимистов из-за очевидного ускорения экономического роста среди стран – участниц Европейского экономического сообщества (ЕЭС). В конечном итоге именно в годы правления премьера-консерватора Эдварда Хита прагматизм взял верх и Великобритания вступила в ЕЭС – в соответствии с теорией рационального выбора.

Однако в дальнейшем стало понятно, что европейский вопрос не просто раскалывает британский истеблишмент по партийной линии, но также вносит и внутрипартийный раскол. По словам исследователя евроскептицизма Энтони Форстера, «большую часть времени послевоенного периода оппоненты более тесной интеграции вели войны внутри собственных партий» [Forster 2002, p. 6]. К примеру, голосование 1971 г. обнажило серьезный внутрипартийный конфликт – 356 голосов было отдано «за» и 244 голоса – «против», причем половина лейбористов проголосовала против. Голосование за European Communities Act длилось 9 месяцев, и к тексту было предложено порядка тысячи поправок. В конечном итоге документ о присоединении Великобритании к Европейскому Экономическому Сообществу (ЕЭС) был принят, однако политический раскол стал еще более очевидным: 301 парламентарий проголосовали «за» и 284 «против».

Пришедшее в 1974 г. к власти новое лейбористское правительство пообещало пересмотреть условия членства в организации и вынести вопрос на всенародное голосование. Удивительно, но лейбористы посчитали условия членства недостаточно выгодными для Лондона и потому потребовали их пересмотра –

т. е., другими словами, выступили с прагматических позиций в полном соответствии с моделью рационального выбора. К слову, это был первый в истории референдум о выходе из процесса евроинтеграции – задолго до судьбоносного референдума июня 2016 г. При этом, несмотря на то что действующий премьер-лейборист остался доволен новыми условиями и агитировал за сохранение членства Великобритании в организации, сами лейбористы были практически поровну расколоты по вопросу о ЕЭС: в 1975 г. 133 парламентария-лейбориста проголосовали за новые условия членства, в то время как 145 высказались против и 33 воздержались при голосовании в Палате общин [Forster 2002]. Основные опасения, как уже было сказано выше, высказывались относительно недостаточной защиты прав рабочих.

В то же время британские консерваторы рассматривали европейскую интеграцию исключительно как процесс по снятию торговых барьеров между европейскими государствами, цель которого – создание единого рынка, который, как полагали консерваторы, экономически выгоден Лондону. По словам профессора Шеффилдского университета Э. Геддеса, поддержка евроинтеграции со стороны консерваторов всегда зиждилась на прагматизме и ожиданиях того, какие осязаемые преимущества принесет Лондону членство в Европейских сообществах [Geddes 2004, p. 191–192]. Поэтому там посчитали «концом истории» подписание Единого европейского акта (ЕЕА), который предусматривал создание единого рынка к 1992 г.

Неудивительно, что правление Маргарет Тэтчер осталось в истории как один из самых сложных периодов для британско-европейских отношений. Новый премьер-министр поддерживала экономическую интеграцию, но не хотела передавать часть британского суверенитета надгосударственным европейским структурам. В своей последней речи перед Палатой общин в 1990 г. Тэтчер осталась верна себе и снова заявила о недопустимости трансформации европейских сообществ в европейское супергосударство: «Председатель Еврокомиссии, месье Делор, заявил на днях на пресс-конференции о том, что хочет, чтобы европейский Парламент стал демократическим органом Сообщества, он хочет, чтобы Комиссия стала исполнительной властью, а Совет министров – Сенатом. Нет! Нет! Нет!»² Ее эмоциональное восклицание с тремя «Нет!» стало впоследствии настоящей мантрой в евроскептических кругах Британии [Wall 2008, p. 79].

² Margaret Thatcher on Europe: “No! No! No!” (видео на YouTube). URL: https://www.youtube.com/watch?v=tVt_1ByddUQ (дата обращения 30.07.2022).

Преемник Тэтчер, сэр Джон Мейджор отказался от резкой антиевропейской риторики и принял участие в подписании Маастрихтского договора, учреждающего Евросоюз. Но при этом, желая умиротворить евроскептиков внутри партии и сохранить власть, Мейджор настоял на исключении из итогового текста Маастрихтского соглашения слов о «федералистских устремлениях» европейцев и добился того, чтобы Евросоюз функционировал как межправительственная организация, а не как централизованное объединение с сильными наднациональными структурами [Geddes 2004, p. 17–18]. Также Великобритания не стала вступать в еврозону, сохранив национальную валюту. Тем не менее попытка ратифицировать договор в Палате общин в очередной раз продемонстрировала раскол британского политикума. 46 депутатов-консерваторов заслужили прозвище «Маастрихтских мятежников» за то, что выступили против ратификации договора.

Говоря о консерваторах, следует особо подчеркнуть, что в их рядах сформировалась группа «профессиональных евроскептиков» – т. е. политиков, строивших свою карьеру на критике евроинтеграции [Gamble 2012, p. 468].

Таким образом, после подписания Единого европейского акта в 1986 г. партия консерваторов начала отходить от прагматического еврооптимизма, который был характерен для них в первые годы евроинтеграции, в сторону конъюнктурного евроскептицизма, продиктованного внутрипартийной борьбой и желанием действующего лидера сохранить или укрепить позиции за счет антиевропейской риторики – в соответствии с моделью правительственной политики Аллисона.

Говоря о лейбористах, следует отметить, что их позиция относительно евроинтеграции поначалу зависела от идеологии, однако затем перешла на прагматические рельсы. Однако в скором времени взгляды лейбористов стали формироваться в зависимости от текущего расклада сил. Если изначально они видели в единой Европе капиталистический проект, затем экономический союз, то со временем они пришли к выводу, что евроинтеграция – действенный способ противостоять проектам консерваторов. К примеру, их партийная программа 1987 г. всецело поддерживала евроинтеграцию – таким образом лейбористы рассчитывали противостоять тэтчеризму. К примеру, интеграция страны в континентальную систему социальной защиты позволила бы сильно ослабить эффект от неолиберальных реформ Маргарет Тэтчер.

В дальнейшем лейбористы продолжали поддержку евроинтеграции, причем этот процесс достиг апофеоза при сэре Энто-

ни (Тони) Блэре, занимавшем пост премьер-министра с 1997 по 2007 г. Его правление сопровождалось проевропейской риторикой и обещаниями, что Великобритания будет присутствовать «в сердце Европы». В ходе премьерства Блэра в 1998 г. прошла знаменитая встреча в Сен-Мало, на которой обсуждалась общая европейская политика безопасности. Более того, в этот период активно обсуждалась возможность отказа от фунта и вхождения Великобритании в еврозону. Однако на практике проевропейская риторика Блэра оставалась риторикой. Великобритания не стала присоединяться к Шенгенским соглашениям и не вступила в еврозону. Как справедливо заметила экс-канцлер ФРГ Ангела Меркель, говоря о Блэре, «он произнес множество замечательных речей о Европе, однако оставался позади, когда речь шла о конкретных шагах вперед»³. Профессор Университета Люксембурга Роберт Хармсен назвал Европу ключевым провалом премьерства Т. Блэра [Harmsen 2007]. Это было связано в том числе с тем, что далеко не все лейбористы приветствовали столь интенсивную евроинтеграцию. А контроль над партией был важнее глобальных внешнеполитических проектов. Таким образом, на стыке в первое десятилетие XXI в. лейбористы перешли к модели правительственной политики, которая подразумевает, что внешняя политика диктуется внутрипартийной борьбой – нечто, к чему консерваторы пришли десятию–двадцатью годами ранее.

Следует отметить, что одним из самых часто используемых инструментов борьбы в британском политикуме было обещание провести референдум по тому или иному вопросу. Эти обещания позволяли сглаживать внутрипартийные противоречия и/или усиливать свои переговорные позиции относительно континентальной Европы. В каком-то смысле можно утверждать, что обещание референдума стало частью политической культуры современной Великобритании. При этом в большинстве случаев политики ограничивались именно *обещанием* провести референдум и забывали про это обещание, как только проблемы были разрешены [Oliver 2015, p. 83]. К примеру, премьер-консерватор Джон Мейджор в 1992 г. обещал провести референдум о вхождении Великобритании в еврозону. Схожий референдум обещал провести лейборист Энтони Блэр в 1997-м. Также Блэр в 2005 г. обещал провести референдум относительно ратифика-

³ Traynor I., Gow D. Stop Blair. Ambition to lead Europe hits fierce opposition // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2008/feb/20/eu.spain> (дата обращения 01.08.2022).

ции Конституции ЕС. Однако, пожалуй, в наибольшей степени эту политическую технологию использовал консерватор Дэвид Кэмерон. Еще в 2008 г. он заявил, что если до выборов 2010 г. Лиссабонский договор не начнет действовать (замена не вступившей в силу Конституции ЕС), то, став премьер-министром, он отзовет парламентский акт о ратификации и проведет референдум. Как и в случае со своими преемниками, Кэмерон не собирался в реальности проводить референдум – это был политический ход, направленный на завоевание евроскептического электората. Однако можно сказать, что Кэмерон слишком увлекся использованием этого инструмента и выпустил «националистического джина» из бутылки. Баллотировавшись на второй срок, он пообещал провести референдум о членстве в ЕС. Таким образом, Кэмерон собирался не только привлечь дополнительных избирателей, но и надавить на континентальную Европу, улучшить свои переговорные позиции. Однако в этот раз евроскептические настроения в британском обществе оказались еще сильнее, поэтому в качестве «уступки евроскептикам» [Бабынина 2014] он решил этот референдум провести. Более того, используя угрозу референдума, он смог добиться от ЕС ряда уступок, в том числе гарантии сохранения валютного суверенитета Великобритании и права не выплачивать социальные пособия мигрантам. Сам Кэмерон был этим удовлетворен и считал, что добился значительных внешнеполитических успехов. Однако законопроект о Брекзите был уже внесен в парламент, и референдум состоялся. Кэмерон оказался не готов к его результатам и ушел в отставку.

Несмотря на то что во время референдума лейбористы в целом поддержали членство Соединенного Королевства в Евросоюзе, их лидер Джереми Корбин потратил большую часть своей политической карьеры в борьбе против участия Британии в процессе евроинтеграции. Под давлением однопартийцев он поддержал лагерь «Remain» – однако это решение диктовалось исключительно внутрипартийной конъюнктурой [Oliver 2017, p. 36]. Неудивительно, что, когда стали известны результаты референдума, именно Корбин стал первым, кто призвал Кэмерона исполнить волю народа по Брекзиту. Тем не менее важно отметить, что многолетний евроскептик Корбин все же агитировал за лагерь еврооптимистов, дабы сохранить лидерство в партии – в соответствии с моделью правительственной политики Аллисона.

Пришедшая на смену Кэмерону Тереза Мэй запустила процесс выхода Великобритании из Евросоюза. Однако она постоянно подвергалась нападкам однопартийцев и в конечном итоге была вынуждена уйти в отставку из-за, по мнению евроскепти-

ков, слишком мягкой позиции на переговорах с Брюсселем. Тем не менее предполагается, что Мэй пала жертвой внутрипартийной борьбы, где вопрос о чрезмерной уступчивости в отношении ЕС был лишь предлогом добиться выборов нового председателя партии консерваторов. Другими словами, на первое место снова вышла модель правительственной политики.

Преемник Мэй Борис Джонсон, желая укрепить свои позиции, провел досрочные парламентские выборы, на которые он шел с лозунгом “Get Brexit Done” («Завершим Брекзит»). Его агрессивный евроскептицизм в 2016 г. был продиктован желанием завоевать авторитет среди евроскептических Тори в преддверии окончания своего второго (последнего) срока в качестве мэра Лондона. После успеха на референдуме Борис Джонсон продолжил свою евроскептическую риторику, желая добиться поста премьер-министра – что ему удалось сделать спустя три года в 2019 г. На досрочных парламентских выборах декабря 2019 г. он также делал акцент на Брекзите (точнее, на его достойном завершении), стараясь тем самым склонить евроскептических избирателей на свою сторону. Все это в соответствии с теорией правительственной политики Аллисона.

Надо отметить, что Борис Джонсон завершил начатое – 31 января 2020 г. Лондон официально прекратил членство в Евросоюзе, а 1 января 2021 г. окончился переходный период, во время которого Соединенное Королевство продолжало пользоваться преференциями участия в Едином рынке. Под давлением премьер-министра Джонсона Великобритания осуществила «жесткий» Брекзит – т. е. вышла из Единого рынка, прекратила уплату взносов в общий бюджет ЕС и остановила свободу передвижения лиц.

Представляется, однако, что сам по себе британский евроскептицизм является комплексным феноменом, нуждающимся в политологическом и социологическом анализе.

Политико-социологический анализ британского евроскептицизма

Среди движущих факторов британского евроскептицизма обычно выделяют представление британцев об «инаковости»⁴ своей нации, негативный исторический опыт взаимодействия с континентальной Европой, географическое положение и антиевропейскую позицию британских СМИ [Благовещенский 2019].

⁴ В Английском языке есть даже термин «британскость» (“Britishness”).

Представление британцев о своей «инаковости». Говоря о представлении британцев о своей «инаковости», следует отметить, что Великобритания воспринимает себя как колыбель парламентской демократии. Несколько столетий британский парламент боролся с монархией, что в итоге привело к кровопролитной гражданской войне XVII в. Англичане считают, что в их стране выстроена эталонная модель демократии, которая служит примером для всего остального мира. Поэтому жители Великобритании рассматривали политическую интеграцию в ЕС как игру с нулевой суммой: любое расширение полномочий властей Евросоюза воспринималось как урезание британского суверенитета [Bache 2008, p. 90].

Второй момент, который также волнует британцев, – это тот факт, что власти ЕС не избираются напрямую электоратом, из чего следует, что граждане также не могут их сместить. Этот тезис хорошо иллюстрируется словами Майкла Гоува, политика-евроскептика, занимавшего министерские посты в кабинетах Дэвида Кэмерона, Терезы Мэй и Бориса Джонсона: «Я верю, что важнейшие политические решения, равно как и законы, и налоги, должны определяться людьми, которых мы выбрали и которых мы можем уволить, если нас что-то не устраивает. Если мы хотим, чтобы властью распоряжались мудро, если мы хотим избежать коррупции в руководстве страны, то это значит, что у граждан должна быть возможность менять законы и правительства в период выборов»⁵.

Третий момент, который стоит упомянуть в контексте ощущения жителями Великобритании своей «инаковости», – это расхождение между либеральной британской моделью госуправления, с одной стороны, и консервативной или социал-демократической моделью госуправления с другой. С точки зрения британцев, социальная и экономическая жизнь континентальной Европы излишне зарегулирована и забюрократизирована [Leconte 2010, p. 85–87].

Негативный исторический опыт взаимодействия с континентальной Европой. Как отмечает А. Джонс в своей работе «Британия и Европейской союз», идентичность островного государства формировалась как антитеза континентальной Европе. Столетиями британский политикум испытывал тревогу по поводу

⁵ Apps P. EU Referendum. Michael Gove's full statement on why he is backing Brexit // The Independent. URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/eu-referendum-michael-gove-s-full-statement-on-why-he-is-backing-brexit-a6886221.html> (дата обращения 02.08.2022).

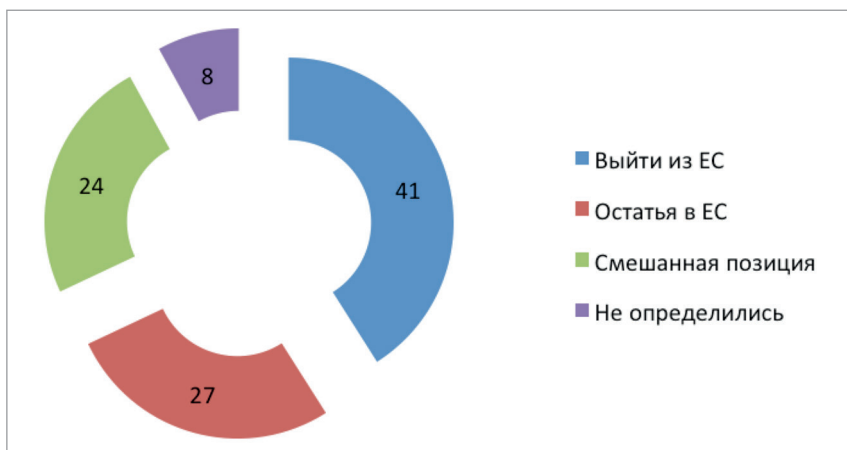
гипотетического объединения всей Европы в макрогосударство, которое просто поглотит Великобританию. Периодически эти страхи находили подтверждение – например, в ходе Наполеоновских войн Франция добилась континентальной блокады Великобритании. В этой акции участвовали Франция, Испания, Голландия, Италия и Дания. Позже присоединились Пруссия, Австрия и даже Российская империя (согласно условиям Тильзитского мира). Великобритания всерьез опасалась, что Наполеон сможет превратить Европу в единую империю. Вероятно, именно по этим соображениям в дальнейшем англичане дистанцировались от работы Священного союза, так как опять же видели в этом идею единой Европы, которая подчинит Великобританию.

В дальнейшем в качестве основной геополитической угрозы англичане рассматривали бисмарковскую Германию. Как подчеркивает Г. Киссинджер, «объединенная Германия стала до такой степени сильной, что могла господствовать в Европе сама по себе, – то есть возникла та самая ситуация, появлению которой Британия всегда сопротивлялась в прошлом» [Kissinger, 1994, p. 88–89]. Как отмечает Р.И. Благовещенский, «британский евроскептицизм не сводится к простой оппозиции по отношению к определенной институциональной форме. Его стержень – глубоко укоренившийся страх перед “Другим”, перед континентом, на котором доминирует франко-германский альянс» [Благовещенский 2019, с. 133]. В другом исследовании подчеркивается, что «призраки Людовика XIV, Наполеона, кайзера Вильгельма, Гитлера всегда будут омрачать взаимодействие Великобритании с остальной Европой» [Gowland, Turner, Wright 2010, p. 213]. Иными словами, можно сказать, что в массовом сознании британцев Европа всегда будет представляться врагом.

Позиция британских СМИ. В политической науке до сих пор нет единого консенсуса относительно того, влияют ли СМИ на политическое поведение, или они являются лишь «зеркалом» массового сознания. Однако самые последние исследования, анализировавшие деятельность руандийского радио в ходе геноцида тутси в 1994 г., указывают на то, что СМИ все же влияют на политическое поведение, однако влияют не столь значительно, как считал, к примеру, Гарольд Лассуэл [Lasswell 1927].

Следует отметить, что британская пресса в основном поддерживала Брекзит – 46% газет высказывалось в пользу выхода Великобритании из ЕС, в то время как против Брекзита выступали 27% СМИ.

По данным исследования, проведенного Reuters Institute, британские СМИ в основном давали слова политикам из двух лаге-

Источник: Reuters Institute

рей, игнорируя исследователей, аналитиков и бизнесменов⁶. При этом, если посмотреть на партийную принадлежность политиков, которым давали слово, то 64% из них будут консерваторами. Лейбористам досталось 17% медиапространства. Также интересно отметить, что противники Брекзита почти всегда говорили только об экономике, в то время как сторонники выхода из ЕС говорили о миграции и суверенитете.

Заключение

Таким образом, в тексте были рассмотрены противоречия евроинтеграции через призму двух подходов к принятию внешнеполитических решений – модели рационального выбора и модели правительственной политики. Данные указывают на то, что модель правительственной политики является более надежным предиктором внешнеполитического поведения Великобритании. Сознывая экономические выгоды от членства в европейском сообществе, британские политики сознательно делали выбор в пользу контроля над партией и удержания евроскептического электората.

⁶ Levy D., Aslan B., Beronzo D. UK press coverage of the EU Referendum // Reuters institute. URL: https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/2018-11/UK_Press_Coverage_of_the_%20EU_Referendum.pdf (дата обращения 02.08.2022).

Также в статье был проанализирован генезис британского евроскептицизма на примере исторических, географических и медийных факторов, а также на основании представления британцев о своей исключительности (*britishness*). Все эти факторы внесли существенный вклад в итоги голосования, которое в конечном итоге привело к выходу Великобритании из Евросоюза.

Литература

- Аллисон 2012 – Аллисон Г. Квинтэссенция решения: на примере Карибского кризиса 1962 г. М.: Едиториал УРСС, 2012. 530 с.
- Бабынина 2014 – Бабынина Л.О. Британия в Евросоюзе: быть или не быть? // Дилеммы Британии: поиск путей развития / Под ред. Ал.А. Громыко, Е.В. Ананьевой. М.: Весь мир, 2014. С. 324–340.
- Благовещенский 2019 – Благовещенский Р.И. Британский евроскептицизм: определение и основные факторы // Актуальные проблемы Европы. 2019. № 1. С. 121–145.
- Соловьев 2005 – Соловьев А.И. Колебательно-маятниковый механизм принятия государственных решений: к обоснованию когнитивной модели (I) // Полис: Политические исследования. 2005. № 5. С. 6–22.
- Bache 2008 – Bache I. Europeanization and multilevel governance. Cohesion policy in the European Union and Britain. N.Y.: Rowman & Littlefield Publishers, Inc, 2008. 206 p.
- Bootle 2014 – Bootle R. The trouble with Europe. L.: Nicholas Brealey Publishing, 2014. 216 p.
- Forster 2002 – Forster A. Euroscepticism in contemporary British politics. Opposition to Europe in British conservative and labour parties since 1945. N.Y.: Routledge, 2002. 168 p.
- Gamble 2012 – Gamble A. Better off out? Britain and Europe // The Political Quarterly. 2012. Vol. 83. Issue 3. P. 468–477.
- Geddes 2004 – Geddes A. The European Union and British politics. L.: Palgrave MacMillan, 2004. 272 p.
- Gowland, Turner, Wright 2010 – Gowland D., Turner A., Wright A. Britain and European integration since 1945. On the sidelines. L.: Routledge, 2010. 312 p.
- Harmsen 2007 – Harmsen R. Is British euroscepticism still unique? National exceptionalism in comparative perspective // Les résistances à l'Europe: cultures nationales, idéologies et stratégies d'acteurs. Bruxelles: Université de Bruxelles, 2007. P. 69–92.
- Kissinger 1994 – Kissinger H. Diplomacy. N.Y.: Simon & Schuster, 1994. 912 p.
- Lasswell 1927 – Lasswell H. The theory of political propaganda // American Political Science Review. 1927. Vol. 21. Issue 3. P. 627–631.
- Leconte 2010 – Leconte C. Understanding euroscepticism. L.: Palgrave MacMillan, 2010. 307 p.

- Macshane 2016 – *Macshane D.* Brexit. How Britain left Europe. L.: I.B. Tauris, 2016. 240 p.
- Oliver 2017 – *Oliver C.* Unleashing demons. The inside story of Brexit. L.: Quercus, 2017. 432 p.
- Wall 2008 – *Wall S.* A stranger in Europe. Britain and the EU from Thatcher to Blair. N.Y.: Oxford University Press, 2008. 246 p.

References

- Allison, G. (2012), *Kvintessentsiya resheniya: na primere Karibskogo krizisa 1962 g.* [Essence of decision. Explaining the Cuban Missile crisis, Editorial URSS, Moscow, Russia.
- Babynina, L.O. (2014), “Britain in the EU. To be or not to be?”, in Gromyko, Al.A. and Anan'eva, E.V. (eds.), *Dilemmy Britanii: poisk putei razvitiya* [Dilemmas of Britain. The search of development paths], Ves' mir, Moscow, Russia.
- Bache, I. (2008), *Europeanization and multilevel governance. Cohesion policy in the European Union and Britain*, Rowman & Littlefield Publishers, Inc., New York, USA.
- Blagoveshchenskii, R.I. (2019), “British Euroscepticism. The definition and main factors”, *Aktual'nye problemy Evropy*, no. 1, pp. 121–145.
- Bootle, R. (2014), *The trouble with Europe*, Nicholas Brealey Publishing, London, UK.
- Forster, A. (2002), *Euroscepticism in contemporary British politics. Opposition to Europe in British conservative and labour parties since 1945*, Routledge, New York, USA.
- Gamble, A. (2012), “Better off out? Britain and Europe”, *The Political Quarterly*, vol. 83, issue 3, pp. 468–477.
- Geddes, A. (2004), *The European Union and British politics*, Palgrave MacMillan, London, UK.
- Gowland, D., Turner, A. and Wright, A. (2010), *Britain and European integration since 1945. On the sidelines*, Routledge, London, UK.
- Harmsen, R. (2007), “Is British euroscepticism still unique? National exceptionalism in comparative perspective”, *Les résistances à l'Europe: cultures nationales, idéologies et stratégies d'acteurs*, Université de Bruxelles, Bruxelles, Belgium, pp. 69–92.
- Kissinger, H. (1994), *Diplomacy*, Simon & Schuster, New York, USA.
- Lasswell, H. (1927), “The theory of political propaganda”, *American Political Science Review*, vol. 21, issue 3, pp. 627–631.
- Leconte, C. (2010), *Understanding euroscepticism*, Palgrave MacMillan, London, UK.
- Macshane, D. (2016), *How Britain left Europe*, I.B. Tauris, London, UK.
- Oliver, C. (2017), *Unleashing demons. The inside story of Brexit*, Quercus, London, UK.
- Solov'ev, A.I. (2005), “Mechanism of decision-making. The cognitive model (I)”, *Polis. Political studies*, no. 5, pp. 6–22.
- Wall, S. (2008), *A stranger in Europe. Britain and the EU from Thatcher to Blair*, Oxford University Press, New York, USA.

Информация об авторах

Сергей В. Лебедев, кандидат политических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125047, Москва, Миусская пл., д. 6; sergei.lebedeff@gmail.com

Роман И. Благовещенский, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; Россия, 191060, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3; roman10.89@mail.ru

Information about the authors

Sergei V. Lebedev, Cand. of Sci. (Political Studies), Russian State Humanitarian University, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; sergei.lebedeff@gmail.com

Roman I. Blagoveshchenskii, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; bld. 1/3, Smolny St., Saint Petersburg, Russia, 191060; roman10.89@mail.ru